

«Хочу обрести я в читателе друга!»

Пять лет прошло уже со дня трагической смерти талантливого кузбасского поэта Владимира Ширяева. Но он не только кузбасский поэт. Его стихи знают и любят не только сибиряки. Его печатали многотиражные российские журналы «Юность», «Наш современник», «Крокодил», «Студенческий меридиан».

Владимир Ширяев – поэт удивительной интонации, в которой поразительно слиты острая небанальная мысль с ярким искренним и горячим чувством, серьезность с тонким юмором, полемичность и публицистичность с самоиронией. Мне часто хочется открыть его маленькие поэтические сборники, найти в знакомых строчках близкие мне мысли и удивиться точности их выражения, чистоте, краткости и свежести русской речи и вместе с автором еще раз постараться «постигнуть тайный смысл» окружающих явлений, хочется улыбнуться или рассмеяться неожиданной концовке стихотворения.

Его стихи многолюдны, если можно так выразиться. В них живут – действуют и говорят – знакомые, друзья, соседи – невыдуманные, реальные люди. Они интересны автору и сразу же становятся интересными читателю. Меня же особенно трогают стихи, не просто посвященные жене, Раисе Максимовне, а прямо обращенные к ней или рассказывающие о ней. В изображении поэта Раиса Максимовна – умный, толковый и справедливый человек, распорядительная и деловитая хозяйка. Ей – не только любовь мужчины к женщине, но и преклонение, удивление ее человеческим качествам.

Я не была лично знакома с поэтом Владимиром Ширяевым и – более того – довольно поздно, всего несколько лет назад вплотную перечитала его книги. Этому помешали разные причины. Но с большим сожалением думаю я сейчас, что, кроме всего прочего, такое знакомство могло бы привести также и к появлению очень добротной книжки для детей. Много лет, работая редактором Кемеровского книжного издательства, я была в поиске хороших авторов детских книг. А перечитывая сборники Ширяева, увидела хорошую основу для такой книжки – несколько ласковых, нежных и смешных стихотворений, прямо адресованных детям.

Увы об этом сегодня говорить уже поздно! Нет ни автора, ни издательства, ни редактора. А совсем недавно я познакомилась с живой героиней стихов и прозы Владимира Михайловича – его женой Раисой Максимовной. Она именно такая, какой описывал ее поэт. Мне очень захотелось узнать о жизни поэта. А кто же лучше ее может рассказать о человеке, которого любила, с которым прожила 23 года, разделяя радости и горести повседневности? Хочется надеяться, что рассказ жены поэта будет интересен и вам, читатели.

Раиса Максимовна, как и когда вы познакомились с Володей, и какое впечатление он произвел на вас при первой встрече?

- 1978 год. Зима ...

Я была в гостях у своих друзей, там у них и познакомилась с Володей.

Тем для разговоров в компании было достаточно, оказалось, что есть даже общие знакомые, например, Саша Рыжий. Володя нам читал стихи Крекова, Рубцова, других поэтов, рассказывал о них. Все это было интересно,

необычно. Да и Володя – рассказчиком оказался хорошим. В общем, заинтересовал. Стали встречаться.

Моя работа была связана с заводом, с большим коллективом людей.

Хотелось отвлечься от шума, многолюдья - отдохнуть в лесу, и мы с Володей выезжали загород..

Как-то мы поехали отдыхать в деревню Камышино, и он мне рассказал, что в Усть-Стрелине, деревне, что в Топкинском районе, на берегу Томи, в пятидесяти километрах от Кемерова у него есть дом, и он приглашает меня туда. Деревню он мне расписал во всех положительных красках.

В то время проблем с проездом в Усть-Стрелину не было: сел на катер - и через час уже там. Очень удобно!

Дошли до дома. Усадьба большая, но неухоженная. Боже мой! Кругом бурьян. Здесь во мне заговорили мои деревенские гены и, засучив рукава, взялась за знакомую с детства работу. Дружно убрали мусор, сожгли. Вскопали грядки, кое-что посадили.

И началась у нас с Володей Усть-Стрелинская эпопея.

В первый год посадили немного. В основном, ходили в лес за ягодой, грибами, рыбачили на Стрелинке. Прекрасное было время! Но с каждым годом эти визиты в лес уменьшались, так как огород увеличивался и, в конце концов, в лес совсем перестали ходить – не было времени: посадка, прополка, полив, уборка. В общем, работа на земле Володю увлекла. Это и многое другое он описал в своих стихах и прозе.

Какие трудности во взаимоотношениях вам пришлось преодолевать?

Ну, трудности, конечно, были! Да еще какие!

Я - технарь, он - гуманитарий. Это различие и притягивало нас друг к другу. Его окружение - журналисты, поэты, учителя, библиотекари... И вдруг на его пути встретилась инженер-метролог. Интересно, что-то новенькое! Расспрашивал меня все о моей профессии. Меня поразила его любознательность, ум, непохожесть на других, мягкость, интеллигентность.

Начали совместную жизнь. Тут- то и начались наши разногласия.

Во-первых, у нас режим жизни был совершенно разный. У главного метролога завода четко нормированный напряженный рабочий день. Сама должность требовала сосредоточенности, дисциплины, точности. А у Володи наоборот: часто писал он ночью, спал до двенадцати часов дня, затем шел в издательства, типографии, на собрания в союз писателей. Благо, квартира была большая (спасибо моим родителям), так что особо друг другу не мешали. Сейчас я иногда думаю: интересно, смогли бы мы так долго жить вместе, если бы у нас была однокомнатная квартира?

Что еще? Обилие друзей у него в то время. Они у нас дневали и ночевали. Многим нужна была помощь. Одни просили прочитать и оценить рукопись, другие просили помочь издать написанное, третьим после ссор и размолвок с женой негде было переночевать или жить.

Он хлопотал, бегал, звонил. Устраивал, пристраивал. И мне приходилось принимать участие в этой благотворительности. Делала я это, конечно, по

доброй воле: не могла же я со стороны наблюдать на его хлопоты. Но давалось мне это все непросто.

В общем-то, я очень ценила, что у Володи много друзей, что ему с ними интересно, (да и мне тоже).

Но были случаи, что он помогал, а потом ему же доставалось. Иногда с ним обходились очень несправедливо. Он переживал, переживала и я ...

Меня эта несправедливость возмущала. Я ему говорила: «Хватит, Володя! Занимайся своими делами. Видишь, какое это неблагодарное дело - помогать другим». Он соглашался со мной, но появлялся другой нуждающийся в его помощи, и он забывал про себя ... Вот на этой почве у нас были разногласия, а иногда - и конфликты. Возможно, этих конфликтов было бы больше, если бы мы в этом отношении были разными. Что греха таить, я от него далеко не ушла: не могу подчас отказать человеку в просьбе.

Какие человеческие качества, ваши и Володины, не позволили вам расстаться?

Видимо, доброта, одинаковое отношение к людям. Я так думаю.

Что особенно привлекательного было в характере и поведении Володи как мужчины и друга?

Целеустремленности и работоспособности Володи можно было позавидовать. Я не видела, чтобы он просто лежал на диване и смотрел, допустим, что-то по телевизору (как он называл, «по ящику»). Читал, писал, кому-то звонил, за кого-то просил. Если не писалось, то он что-то делал на даче по хозяйству. Конечно, у него получалось не так хорошо, как у некоторых мастеровитых мужиков. Но гвозди, где надо, были забиты, забор стоял на месте (не то, что сейчас, без него); когда это было необходимо, топилась баня (дрова и веники он заготавливал заранее). В общем, не чурался никакой работы в доме и на огороде.

Любил сажать деревья. Соседка, Мария Васильевна Коняева, говорила ему: «Володя, у тебя легкая рука, что ни посадишь – все у тебя приживается».

Насадил вокруг и около дома столько деревьев, особенно рябин! В урожайный год осенью кругом красным - красно на радость людям и птицам.

Его силе воли можно было позавидовать. Болел он сильно: замучил псориаз и астма, да и сердце пошаливало. В городе болезнь выявлялась в острой форме. Только в деревне, где он вел размеренный образ жизни, где был чистый воздух, вода, проявления болезней у него отступали. (Свое состояние во время болезни он хорошо описал в повести «Искушающие взоры»). В больницу отправляла - бесполезно. Так вот, чтобы выкарабкаться из этого ужасного состояния, он голодал, обливался холодной водой, занимался зарядкой, даже на голове стоял. И старался в это время уединиться в деревне, чтобы меня особо не обременять. Я - то что: я прекрасно понимала, как он себя в это время чувствует! Но кроме меня приходилось ему общаться и с другими людьми. Многие не понимали, отчего он такой взрывной: о своей болезни он никому не рассказывал.

Терпеть не могу наглых, вульгарных, пошлых людей. Володя не был таким и не терпел этих качеств у других.

Поражала его обязательность, пунктуальность. Если кому что пообещал-обязательно выполнит, и в тот срок, на какой договаривались.

Все занятия и дела у него были расписаны по пунктам (как мы смеялись, по «пунктикам»). Он составлял план на день, месяц, год. Очень жаль, что не удалось осуществить эти планы ...

Интересовался ли Володя вашим мнением о его стихах и как относился к критике его стихов? Могли ли вы его убедить в его неправоте?

- Я не помню такого случая, чтобы он спрашивал моего мнения о качестве написанного стихотворения.

Как он относился к моей критике? Мне, в общем-то, все нравилось, что он писал, поэтому особо-то не критиковала. Были случаи, когда я советовала убрать или заменить какое-то неточное слово, - он прислушивался.

А когда в печати появлялись рецензии на его стихи, то, как правило, они были положительными. Но были и замечания. Если - дельные, то он внимательно прислушивался, а если несправедливые, то очень переживал. Вообще он был очень упрямым. Об этом говорит даже Илья Фоняков в предисловии к сборнику стихов «Августовские объявления». Он пишет, что автор «ершистый, упрямый», что «кое с чем соглашался, но многое отстаивал».

В его неправоте убедить с большим трудом, но удавалось. Иногда ...

Что его особенно привлекало в людях, и чего он не терпел совершенно? Ошибался ли он в оценке людей?

Володю всегда привлекали яркие, талантливые люди. Если на его пути встречался такой человек, он не выпадал из поля его зрения.

Вы же, наверное, знаете Полицына и Поташова? Да, Полицын – прозаик, а Поташов – поэт. Они оба - детдомовцы. Так вот в память Геннадия Полицына и Владимира Поташова Володя организовал конкурс на лучшее произведение (проза, стихотворение) среди воспитанников детских домов, чтобы выявить таланты. Ему удалось провести один раз этот конкурс. Конечно, он бы продолжил это дело – не хватило жизни.

Это все происходило на моих глазах. Ведь он сам проявил инициативу в организации этого конкурса. Сколько было беготни, звонков, писем, заявлений в администрацию, союз писателей. Я смотрела на него и думала все время: «Господи! Помоги ему».

Или еще один пример. Володе в союзе писателей дали рукопись одной женщины, Чистяковой Александры Ефимовны. В тетрадках, от руки написанную.

Александра Ефимовна описала свою нелегкую жизнь в повести «Не много ли для одной?..» Сама довести ее до кондиции была не в состоянии.

Володя взял эти тетрадки, прочитал. Увидел зерно, которое надо было любовно проращивать и лелеять. Познакомился с автором. Оказалось, она живет в нашем районе, в Рудничном, в поселке Боровом. Началась работа:

отредактировал ее, перепечатал на машинке. Стал думать, где бы ее напечатать. Добился опубликования в альманахе «Огни Кузбасса». Но на этом не успокоился. Володе казалось, что повесть достойна, чтобы ее прочитало большее количество людей.

Он встретился с редактором Красноярского журнала «День и ночь» Романом Солнцевым известным поэтом, и отдал ему эту повесть. Ее опубликовали в журнале. А Роман Солнцев выдвинул эту повесть на престижную Букеровскую премию. Повесть попала в так называемый «шорт-лист» и завоевала в конкурсе второе место. Компания «BOOKER» пригласила Александру Ефимовну и Володю на церемонию присуждения литературной премии Букера-98 за лучший русский роман года. Александра Ефимовна, или «баба Шура», как все ее называли, не смогла поехать в Москву по состоянию здоровья - Володя ездил один. Александра Ефимовна получила золотые швейцарские часы и тысячу долларов. Это был 1998 год.

Очень жалел униженных и оскорбленных. Старался как-то им помочь. Приведет кого-нибудь и скажет: «Пусть некоторое время поживет у нас». Убедит меня, что этому человеку деваться некуда. Иногда приводил просто кого-то с улицы, кто оказался в бедственном положении, на его взгляд. Но когда раза два нас обворовали, стал осторожнее.

С теми, кто поступал, по его мнению, несправедливо, он прекращал общение и мне советовал не общаться. Он говорил: «Если человек поступил так нехорошо один раз, где гарантия, что этот поступок он не повторит?» Многие случаи я помню. Очень хотелось бы забыть о них, но не получается. Я очень переживаю, что неблагоприятные поступки делали и очень близкие люди. Я говорю себе: «Забудь, Володи уже нет – его не вернешь. А людям надо прощать». Но эти случаи приблизили его конец ...

Что еще я хотела вам сказать? Это очень важно. Люди в нем нуждались, к нему обращались. Обращались совершенно разные люди и с разными просьбами. Звонили - консультировались, приходили с рукописями, многие из других городов приезжали. Кому-то необходимо было прочитать рукопись, кому-то издать. А кто-то обращался совершенно не по литературным делам. Так как у Володи было много друзей – юристов, так к нему обращались и по юридическим вопросам. Он старался помочь всем.

Как-то через год после смерти Володи раздался звонок. Звонил мужчина и просил пригласить к телефону Володю. Я опешила – звонок из Кемерово. Сначала я подумала, что звонивший шутит (были и такие случаи). Но по интонации голоса я поняла, что нет. Он не знал, что Володи уже нет в живых. А звонивший что-то написал и хотел показать Володе, хотел посоветоваться. Дала ему адрес Союза писателей.

В оценке людей он, конечно, ошибался, как все мы, смертные. Были случаи, когда он менял свое мнение о человеке.

Вот, например, с Колей Колмогоровым он постоянно ругался. Что уж они не поделили, не помню, видимо, это были творческие вопросы. Но друг друга они не переваривали. После известных событий в стране в октябре 1993 года, Володя резко изменил свое мнение о Коле. Они одинаково оценили

политические события в стране, вместе были на митинге на площади Советов. А Коля выступил там от имени Союза писателей. Таким образом, из противников они превратились в единомышленников. Володя очень оценил гражданскую позицию Николая Колмогорова.

- Способен ли он был простить человеку его некрасивый поступок? Завидовал ли он кому?

- Если что-то незначительное - прощал. Особенно, если человек талантлив. В моих глазах он старался оправдать нехороший поступок этого человека. Например, Гена Полицын. Гена не был белым, пушистеньким зайчиком – он такую сложную жизнь прожил. Володя мне говорил: «Тебе хорошо, тебя воспитывали родители. А Гена при живых родителях жил в детдоме».

Да, завидовал. Завидовал Володя мне.

Завидовал, что я родилась в деревне, что жила среди природы, завидовал, что у меня была такая дружная родительская семья. Завидовал, что я в окружении, как он называл «технарей», от которых я никогда не дождусь «разных изощренных интеллигентских штук».

- Кто из поэтов был его любимым и кому он хотел подражать?

- Пушкин ... Владимир Высоцкий ... Очень любил и слушал Высоцкого и старался приобщить всех к пониманию его творчества.

Про подражание другим поэтам не знаю. Скорее всего, - никому не подражал.

- Кто были его друзья?

- Володя в своих миниатюрах «Ошибка Розы Люксембург» пишет о своих друзьях. Почти все они были невыдуманными героями его стихотворений и прозы.

Со многими он переписывался. Письма шли отовсюду: из Владивостока, Находки, Иркутска, Братска, Красноярска, Новосибирска, Томска, Новокузнецка, Омска, Москвы, Салехарда, Санкт-Петербурга, Берлина, Одессы, Тайги, Прокопьевска ... Могла бы еще продолжить. Что характерно для Володи – на письма он отвечал сразу же.

Попытаюсь рассказать вам о его друзьях:

Сергей Климов – инженер из Салехарда. Герой многих его произведений. Друг юности. Последний раз виделись лет в тридцать, но переписывались до самой смерти Володи постоянно. Сейчас уже я с ним общаюсь по Интернету. Приезжал он летом 2006 года с женой – постоял у могилы Володи ...

Михаил Анохин из Прокопьевска – представитель забастовочного движения, писатель. Когда Михаил приезжал в Кемерово, останавливался у нас – разговоры до утра.

Евгений Богданов – журналист, писатель. Женя был очень благородным, настоящим гражданином своей страны, талантливым журналистом и писателем. С Володей они были очень близки по духу и мировосприятию.

Вообще Володя старался тех, кто ему дорог, с кем ему интересно, приблизить к себе. В своей любимой деревне Усть-Стрелине он многим

советовал приобрести земельные участки (благо, свободной земли вокруг было много).

И друзья откликнулись.

Первым поселился Виктор Жарков – судья со своей женой Нонной. С ним он любил поговорить о вопросах мирового масштаба.

Виктор Казаков поселился напротив. Витя – инженер, друг детства из Белова.

Гена Чупин – прокурор, поэт. Одно слово «поэт» говорит о том, что Гена был хорошим собеседником Володи.

Коля Сидоркин – полиграфист. Друг юности. О нем он очень много и хорошо написал в своей повести «Искушающие взоры».

Женя Красносельский – журналист. Прибежит – такой деловой! Кроме журналистики в деревне они решали вопросы сельского хозяйства: что посадить, как посадить, когда. Делились саженцами, семенами. Очень трогательно было смотреть на них.

Володя Соколов – журналист, поэт. У Володи в деревне также был участок.

Саша Казаркин – профессор, доктор филологических наук. С Сашей подружился Володя еще в Томске. С ним Володе было, конечно, очень интересно. Они могли говорить бесконечно о литературе. Саша оказался тоже в Усть-Стрелине. Его огород был недалеко от нашего. Саша любил ходить пешком. Придет, посадят, чай попьют, поговорят. Затем Саша шел на свой огород, где его ждали им посаженные овощи. Однажды был такой случай: Саши долго не было в деревне. Я и Таня Сидоркина (жена Коли) смотрим: картофель, посаженный Сашей, зарос коноплей. Мы с Таней, недолго думая, пошли и пропололи, то есть выдергали всю коноплю. А оказалось, что Саша специально посеял коноплю среди картофеля от фитофтороза ... Мы с Таней, когда узнали, очень неловко себя чувствовали: оказали медвежью услугу хозяину.

К большому сожалению, Саша переехал жить в Томск, и Володя лишился друга, с которым можно было поговорить о литературе, сидя на крыльчке.

С Павлом Ермоловым Володя познакомился уже в деревне. Володя любил рыбачить, а Паша – заядлый рыбак. Разговорились. Паша оказался интересным собеседником. Очень любил Высоцкого, как и Володя. Ко всему этому – Паша очень добрый человек!

Расскажу вам еще об одном друге Володи. Александр Зарубин – ученый, кандидат исторических наук. Он приехал из Крыма со своей женой Леной Шурановой. С Володей он познакомился в марте 2002 года. Так что Володя не успел о нем написать, воспеть его. Но, когда они познакомились, можно сказать дорвались друг до друга, проговорили долго.

Вот отрывок из воспоминаний Саши: «Первый наш разговор длился часа три. Владимир никак не мог выговориться! (Одиночество?) Прогулка по садам российской словесности. Любой штрих тут же превращался в линию. Я намечал – он подхватывал, он намечал – подхватывал я. Эрудиция его была редкой птицей – по нынешним рыночно-местечковым временам. И до

середины Днепра она долетала запросто. И не делил Владимир литературу на предпочтительное и неудобное, ненужное, как делали большинство. Любые жанры, любые стили – все впрок, лишь бы хорошо, лишь бы с промельком таланта. Давно так не говорилось – всласть. Давно я не ощущал такого созвучия. Причем сразу – без притирки. Когда тебе полтинник с хвостиком, это случай раритетный. И его надо лелеять. Мне, не по своей воле вытесненному из родного Крыма и стрессующему, близких душ в новых краях не находилось. Владимир оказался первой. Ненадолго ...».

Когда Володи умер, Саша взялся редактировать его журнал «Горицвет», но, увы, ровно через год и Саши не стало: инфаркт.

Как замысел воплощался у него в стихотворение?

О! Исписаны были все коробки спичек, пачки сигарет. Допустим, полет он свою любимую тыкву. А тут мелькнуло что-то в голове. Надо записать: карандаш всегда при нем. А на чем писать? Так на чем придется – не бежать же в дом! Записал. А затем переносил в тетрадь. Иногда это было просто слово. Полностью стихотворение могло получиться сразу (бывало и такое), а иногда и через месяц, год ...

Володя не забывал случаев, о которых или кто-то рассказывал, или свидетелем которых был. Поэтому все его стихи как бы «по свежим следам». Многие его друзья становились героями его стихов, и рассказов. Ну, например, есть у него стихотворение «Рыбка» - сюжет подбросила моя племянница, она как-то нам рассказывала, что в начальных классах она участвовала в драмкружке, ставили какую-то пьесу. Так вот все роли раздали, а ей досталась роль только рыбки. Сюжет Володе понравился – вышло стихотворение. Или вот еще: стихотворение «Мудрая» - сюжет подкинул его друг – художник. Он все жаловался, что жена стала посещать кружок рериховцев, что ему не особо нравится. Результат – стихотворение.

Читал ли вам Володя свои стихи?

Как, правило, нет – не читал. Это я ему их читала. Вижу, настроение у него плохое, беру его книжку и читаю. Слушал с удовольствием. И даже подпевал. У него есть стихотворение: «Ах, какая стояла жара!». На эти слова я намурлыкала мелодию. Вот идем пешком до деревни, путь не близок – восемь километров (катер перестал ходить). Мне эти километры не в тягость: детство мое прошло в маленькой деревне, пока закончила 8 классов, приходилось ходить восемнадцать километров до школы, а 11 классов - все сорок – подвозили редко – родители были заняты работой. А Володя не любил ходить пешком. Я, чтобы поднять его настроение и свое тоже, пою песни. В том числе и эту: Ах, какая стояла жара!..

Мы картошечку тяпали
И смотрели по вечерам,
Как богатые плакали...

Смотрю, и он стал, мне стал подпевать. – Так и скоротали путь.

У Володи есть стихотворения о животных. Как он к ним относился?

Володя очень любил собак. Но жил у нас кот Дымок. Мы его подобрали на берегу реки. Провожал он меня в город, и на остановке катера обнаружили

котенка пушистого. Володя забрал его с собой в дом. Назвали его Дымком. С тех пор Дымок у нас жил пятнадцать лет. Володя очень с ним подружился и много стихотворений написал о нем.

Как Володя относился к пишущим друзьям?

Если ему чье-то творчество нравилось, то он «из шкуры выворачивался», чтобы помочь этому человеку, подключая всех - не комплексуя.

Например, Гена Полицын. Володя всегда помогал ему и при жизни, и когда Гены не стало. После его смерти его подруга прислала нам все его бумаги, в том числе рукописи. Так Володя сумел издать его книжку, опубликовал его повести «Подводные камни», «Незаметный возраст». Можно сказать, он совершил подвиг: для издания книг уже нужны были большие деньги.

Или взять Виталия Крекова. Мне, моим друзьям, знакомым Володя все уши прожужжал, что Креков - гений. Частенько бывало: весь вечер сиди и слушай стихи Крекова: «Наша бедность граничила с Богом!» или «Я помню: на кончину февраля». – «Все, Володя, хватит! Я пошла спать (да простит меня Креков, но утром мне на работу)». – «Нет, ты послушай!: «Я жил за той, за синюю чертой».

Его даже заботило, что Креков был одинок. Мол, гений, а одинок. Давай, мол, Крекова познакомим с Таней Куликовой, она была в то время девушкой свободной. Я ему: «Да не любит Таня стихов, поэтому и поэт ей не понравится. А он: «Ну, как можно не любить такие стихи?» И снова:

Еще сентябрь не начинал дожди
И бархат синевы не опорочен.
Живу последним всполохом любви,
По паутинкам осязаю осень....

Ну, что скажешь, - сижу, слушаю...

На самом деле прекрасные стихи!

Мало того, так он отправлял его стихи именитым поэтам, в разные издательства. Расписывал Виталия. По современным понятиям, так он рекламировал крековские стихи. Сегодня это дорогого стоит. Да и в то время уже мало находилось людей, которые бы за других хлопотали. У меня лично для сравнения нет такого человека, - тогда не было, а сегодня - тем более.

Это я вам рассказала про Гену и Виталия, а сколько было еще талантливых людей, которых Володя «проталкивал»!

Почему он решил заняться издательской деятельностью и какие трудности пришлось преодолеть на этом «поприще»?

Время, когда государство было заинтересовано в издании поэзии, прошло. Володя успел издать только два сборника, за которые получил небольшой гонорар.

Наступил так называемый дикий капитализм ... Писательское творчество уже не кормило. Надо было иметь деньги, чтобы заплатить за издание своих произведений. Нужно было зарабатывать. И немало.

Попытался выращивать овощи: картофель, тыкву. Вырастить оказалось не проблема: земля плодородная – знай трудись. О Володином творчестве на земле написала даже газета «Комсомольская правда». И он прослыл поэтом-тыквоведом. Но при реализации этих овощей столкнулся с очень большими проблемами. Здесь уже я вставила свое слово: все, хватит себя мучить. Мол, не нужны эти овощи никому, с ними можно заработать только инфаркт. С большим трудом, но послушался.

Хотя нет – один раз удалось заработать приличную сумму за сданную тыкву. Но «черт дернул»: он вложил их в «Агросервис»... Все, канули деньги. Так было обидно - таким трудом они нам достались!

Но жить на что-то надо. Пришла идея заняться издательством. Хотелось убить двух зайцев: издать произведения талантливых авторов и одновременно заработать на кусок хлеба. Благо, желающих издать свои произведения, было много.

На этом «поприще» Володе заработать не пришлось. Многие поэты, которым он помог издать сборники, остались недовольными. Издание каждой книги стоит больших денег, а где их взять? Печатал в типографиях, где подешевле. Дешевле, значит, и качество похуже. Это многим не понравилось, стали предъявлять претензии.

Решил издавать свой журнал, дал ему название «Горицвет». В декабре 1997 года зарегистрировал его. Но на издание этого журнала нужны были опять эти пресловутые деньги. Но, как говорится, с божьей помощью и моей, четыре номера удалось выпустить. Как он радовался, что получилось!

Первый номер журнала он отправил Илье Фонякову. От него получил ответ: «Дорогой Володя! Спасибо за «Горицвет» и за публикацию Маннергейма. Сделал ксерокопию и немедленно отошлю ему в Швецию. Они там ценят такие вещи ...».

Он бы вырулил, и дело бы пошло. Я в этом уверена. Его настойчивость и терпение все преодолели бы. Его организаторским способностям можно было только позавидовать. Тем более он был уже не один - в редколлегию журнала входили люди разных профессий: журналисты, юристы, доктора и кандидаты наук, общественные деятели, которых Володе удалось убедить в необходимости выпуска журнала. Но эта неожиданная смерть ...

Чему вы научились от Володи, какой человеческой мудрости? Какие горизонты восприятия жизни он открыл вам?

Доброжелательно относиться ко всем людям, несмотря на внешний вид и положение в обществе. Помогать им, если в этом есть необходимость. Я ему говорила: «Ну, ты, Володя даешь! Ты хочешь сказать, что и к человеку, который роется в мусорке, я должна подойти и поговорить!» А он мне: «Конечно, подойди, поговори. Почему-то он или она оказались около этой мусорки? Похоже, ему совсем худо. Отбрось гордыню – поговори».

Кстати, он так и поступал.

Конечно, Володя прав был: надо больше общаться с людьми, больше узнавать о них. Поверхностное суждение о человеке, как правило, ошибочное.

Вот буквально на днях я оформляла своей соседке Екатерине Федоровне Политухиной документы в юстиции. Очередь огромная – разговорились (за 27 лет соседской жизни в деревне ни разу не удосужились поговорить по-настоящему). Столько хорошего о ней узнала я! Спасибо руководителю регистрационной службы за такие очереди! Благодаря этой очереди я познакомилась с уникальным человеком. Прав был Володя: надо общаться с людьми!

. Что вы мечтаете сделать для сохранения памяти о нем как о человеке и поэте?

После смерти Володи вышли две его книжки. Одна – «Мне нагадали по руке» - была подготовлена и сдана в типографию им самим, а вышла в 2004 году, вторую – незаконченную поэму его – «Огородик» я смогла издать в 2003 году. К сожалению, очень небольшим тиражом.

У Володи очень много произведений неизданных, особенно прозы, а если издано, то в журналах. А хотелось бы, чтобы вышла книга.

Мечтаю издать книгу, куда вошли бы все его стихи и проза.

Его проза незнакома читателю. По мнению моих друзей, грех держать взаперти написанное Володей. Попробую выпустить на свободу. Теперь я уже уверена, что у меня получится. Тем более, что у меня появились добровольные помощники – искренние ценители Володиного творчества.

Володя написал много прекрасных стихотворений. А какое вам больше всего по душе?

Написано много! Читаю, перечитываю – нравится почти все. А особенно трогает меня вот это. Читаю и плачу: в каждом слове, строчке чувствую душевную боль Володи:

х х х

От цветущей сирени до первого снега
Мне даровано времени, в общем, немного –
Я обязан про жизнь одного человека
Рассказать - без прикрас, выразительным слогом.

Расскажу про отвагу его и про доблесть,
Про сомненья его, про невольную низость.
... И усердно пишу я правдивую повесть,
Ощущая: ко мне вдохновенье явилось!

Запоет за окошком веселая вьюга,
Я закончу свою откровенную книгу.
Так хочу обрести я в читателе друга!
Умоляю, прочти!

Без тебя я погибну.

Друг далекий!

Прости и пойми человека,
Что искал в этой жизни прямую дорогу.

... От цветущей сирени до первого снега
Мне отпущено времени, в общем, немного...